

В деревне Ваньэр мало кто мог похвастаться возможностью жить в отдельной новой комнате.

В других семьях людей обычно было много, и когда дети подрастали, братьям или сестрам приходилось тесниться вместе; бедняки, понятное дело, и вовсе не могли позволить себе построить много комнат, так что ради крыши над головой всем приходилось ужиматься.

Чанся сидел на краю кана, отпивая из пиалы остуженную воду; выпив полмиски, он взял неоконченную одежду и сделал пару стежков.

Шил он нижние штаны— вещь интимную, которую негоже выставлять на всеобщее обозрение посреди двора.

К тому же это исподнее предназначалось для Пэй Яо, так что выносить работу на улицу было совершенно непозволительно.

Деревенские жители всю одежду шили своими руками, и нижнее белье, само собой, не было исключением.

Чанся теперь вырос, и иголкой с ниткой владел весьма недурно.

Некоторое время назад Чэнь Чжи привез из городка отрез очень хорошей материи — мягкой, нежной к телу. Ткани там было немного, самому тратить на себя было жалко, вот он и велел Чанся сшить из этого отреза добротное исподнее для него самого и для Пэй Яо.

Пэй Яо за последние годы рос не по дням, а по часам, его мерки стремительно менялись, так что шить ему обновки приходилось частенько.

Разумеется, снимать с него мерки Чанся не приходилось.

Пэй Яо сам прикидывал на себе примерный размер, сообщал папе, а Чэнь Чжи уже передавал эти слова Чанся.

Да и не только нижнее белье — с тех пор, как младшему исполнилось шестнадцать, добрая половина одежды и обуви Пэй Яо была сработана руками Чанся.

На сколько цуней вытянулся Пэй Яо в этом году и насколько увеличилась его стопа — всё это Чанся знал досконально. К тому же Пэй Яо лишь с виду казался худощавым, но кость у него была широкой, так что сэкономить на ткани никак не удавалось.

— Чанся, мы с твоим дедом пойдем в лес, хворост пособираем, — Доу Цзиньхуа замерла у приоткрытой двери и еще раз строго наказала: — А ты дома оставайся, за воротами приглядывай.

— Хорошо, бабушка, — торопливо подняв голову, отозвался Чанся.

Доу Цзиньхуа заходить не стала; подхватив бамбуковую корзину, она вместе со своим стариком двинулась со двора.

Сейчас стояло самое начало лета, и в полдень хоть и припекало, но до изнурительной, удушающей июльской жары было еще далеко.

Пэй Цзаоань перекинул через плечо пеньковую верёвку, прихватил широкий тесак — сидеть без дела он просто не умел.

В поле работа временно поутихла, огород они только вчера хорошенько залили водой да сорняки все выпололи, так что там особо ухаживать было не за чем.

А в крестьянском хозяйстве без дров никуда. Ладно еще обычная готовка, но зимой в доме нужно жарко протапливать все четыре кана. Если хочешь каждую ночь спать на теплой постели, рассчитывать только на осенние заготовки нельзя — нужно собирать хворост круглый год, едва выдастся свободная минутка.

На заднем дворе они даже соорудили специальный навес для дров, под которым уже громоздилась внушительная поленница из сучьев и бревен.

Чанся бросил взгляд за порог: большой и маленький псы мирно нежились посреди двора. Раз эти двое на страже — они обязательно поднимут лай, стоит чужаку подойти к калитке, — так что юноша со спокойной душой вернулся на свой кан.

Вещей в его комнате было немного, но всё необходимое имелось.

Кан был сложен на совесть, на нем стоял маленький столик, а в ногах примостились два больших деревянных сундука: в одном хранилась одежда, а во втором — тяжелые зимние одеяла и всякая бытовая мелочевка.

Тонкое летнее одеяло было сложено аккуратно, ровным квадратом, и вместе с подушкой покоилось поверх сундука.

У края кана приютился квадратный стол, на котором красовались глиняный чайник и чарки, а под стол был аккуратно задвинут табурет.

И на кане, и на полу царила безупречная чистота.

У изголовья кровати висели два ароматных мешочка — один нежно-зеленого цвета, а второй — оттенка бледного лотоса. Внутри Чанся бережно зашил засушенные им собственноручно пахучие травы, цветочные лепестки и целебные корни.

Обычно, когда ложишься спать, стоит положить такой мешочек поближе к подушке — и комнату наполняет едва уловимый, благодатный аромат.

Этому его в свое время научил Чэнь Чжи.

Чанся до сих пор в мельчайших подробностях помнил свою самую первую ночь в доме Пэй: леденящий холод долгого пути, волшебное тепло, окутавшее его в комнате, и тот самый тонкий аромат, который баюкал его у самого носа, когда он в полубытьи проваливался в глубокий сон.

Оставшись в одиночестве, юноша наслаждался тишиной; лишь изредка со двора доносилось ленивое тявканье молодой собаки.

Желтый пес совсем одряхлел, и на его лбу Пэй Яо больше не выводил сажей задорный иероглиф «Ван» (王 — царь). Белому щенку едва исполнился год; он находился в том самом возрасте, когда псы без умолку носятся по всему подворью, но сейчас из-за полуденного зноя он забился поглубже в тень и не желал шевелить и лапой.

Штаны наконец-то были полностью готовы. Чанся со вздохом потер затекшую шею и вдруг уловил со двора тихие шаги.

Ни один из псов не подал голоса — значит, возвращался кто-то из своих.

Шаги были легкими, без привычного для стариков шарканья по земле, и Чанся, повинувшись какому-то внутреннему порыву, негромко позвал через закрытое окно:

— Пэй Яо?

Створки окна оставались закрытыми, и человек во дворе, казалось, на мгновение замялся, прежде чем до ушей Чанся донеслось глухое, короткое: «Угу».

Как раз вовремя.

Чанся аккуратно свернул сшитое белье, перешагнул за порог комнаты и застал Пэй Яо в глубокой задумчивости.

В душе старшего шевельнулось недоумение: Пэй Яо редко когда можно было увидеть с таким потерянным и отрешенным лицом.

Обычно, когда тот отправлялся в горы пострелять птиц, он всегда возвращался с богатой добычей. А тут ушел совсем ненадолго и уже вернулся, да еще и с пустыми руками — дело из рук вон примечательное.

Завидев Чанся, Пэй Яо тут же прогнал с лица былую растерянность, взял себя в руки, однако в его взгляде по-прежнему сквозило какое-то странное, нечитаемое выражение.

— Вот, держи. Всё готово, — Чанся замер в нескольких шагах от названного брата и протянул ему аккуратно сложенную вещь.

Распознав в свертке нижние штаны, Пэй Яо вдруг резко сжал челюсти, словно ему сделалось невыразимо неловко и не по себе.

Он поджал губы, молча перехватил белье, не проронив ни единого слова, а его взгляд на долю секунды скользнул по обнаженному запястью Чанся. После этого он стремительным шагом скрылся за дверью своего восточного флигеля.

На улице было жарко, к тому же дома Чанся во время работы привык заворачивать рукава повыше, так что этого мимолетного, скользнувшего по руке взгляда он даже не заметил. Чанся лишь на мгновение замер, смутно осознавая, что в поведении брата кроется какой-то подвох.

«Опять, что ли, свой нрав выказывает?»

Он никак не мог взять в толк, какая муха укусила Пэй Яо на этот раз, но, поскольку лицо у того выглядело вполне сносно, решил, что это обычные юношеские капризы.

Они были разными: один — шуаньэр, второй — обычный парень, в повседневной жизни общих тем для разговоров у них почти не водилось. К тому же Чанся до смерти боялся лишний раз разгневать вспыльчивого брата, так что лезть к нему с расспросами и в мыслях не имел.

Юноша прекрасно знал за собой грешок — язык у него был неповоротливым, а изъясняться красиво он не умел. В глубоком детстве он уже имел неосторожность крупно обидеть Пэй Яо и на собственном опыте усвоил: чем больше он расспрашивает, тем сильнее тот звереет. Так и сформировался этот его молчаливый, скрытный и замкнутый характер.

Белый пес подбежал ближе, принялся тереться о его ноги и преданно вилять хвостом. Чанся бросил взгляд на пустую собачью миску, зачерпнул ковшом воды и плеснул внутрь.

Тем временем в восточном флигеле.

Пэй Яо небрежно забросил новое исподнее на дно сундука. Услышав доносившийся со двора плеск воды, он сразу догадался, что брат поит собаку.

Юноша никак не мог найти себе места: он схватил плетеный из рогозы веер и принялся неистово обмахивать лицо, тщетно пытаясь унять и остудить ту непонятную, обжигающую изнутри суматоху и беспокойство.

Но перед его мысленным взором с упрямой четкостью снова и снова всплывало худощавое, тонкое запястье Чанся.

Бледные, едва заметные прожилки синеватых вен под тонкой, почти прозрачной на вид белой кожей...

В отличие от ладоней, которые от каждодневного крестьянского труда успели слегка огрубеть, эта часть руки казалась необычайно нежной и шелковистой. Каково же оно, если прикоснуться...

Осознав, в какое русло унесло его мысли, Пэй Яо в то же мгновение округлил глаза, а его зрачки мелко задрожали от испуга.

Однако сознание словно сорвалось с поводка и больше не подчинялось его воле: перед его глазами со всей отчетливостью проступили эти бледные, аккуратные губы.

«Может быть, они на ощупь совсем мягкие...»

Его кадык судорожно дернулся.

*

Помимо Ян Фэнняня и Пэй Чэна, в их деревне подрастало еще несколько парней примерно того же возраста.

И невесть кто первым завел этот скользкий разговор, заведя речь о тех самых «взрослых делах».

В этом возрасте кровь в жилах и без того бурлит, не зная покоя. Наслушавшись от старших всяких небылиц да рассказней, парни втайне от всех принимались смаковать эти детали, превращая их в источник тайного, подавленного волнение и намеков.

Разумеется, в таких разговорах то и дело проскакивали грубые, сочные словечки о поцелуях, тисканье за задницу и прочих непотребствах.

Женщины да шуаньэры для этой оравы безусых юнцов пока еще оставались недостижимой, далекой мечтой; если у кого-то и рождались в голове греховные мысли, их разве что пускали в ход в пустой болтовне, до глубины души завидуя тем счастливчикам, кто уже успел обзавестись собственной семьей.

Среди всей этой ватаги пятнадцати-шестнадцатилетних оболтусов Пэй Яо оставался единственным, у кого в доме с самого детства подрастал суженный. Так что шуточек и

подначек на этот счет ему избежать никак не удавалось.

Впрочем, те ребята, с которыми он водил компанию, откровенными мерзавцами не были: похихикают, покорчат друг другу двусмысленные рожи — сами-то в этих делах ни уха ни рыла не смыслили, — да и ограничатся парой-тройкой сальных шуток.

Пэй Яо с самых малых лет отличался отличным сложением; в драках со сверстниками он никогда не уступал, а за последние два года и вовсе вымахал так, что силой бог не обидел. Даже если против него выходил парень на несколько лет старше, в кулачном бою Пэй Яо удерживал за собой безоговорочное превосходство.

Так что, даже если у кого и крутились на языке скабрзные словечки, шутник сперва трижды взвешивал на весах, стоит ли раскрывать рот.

Сам Пэй Яо пропускал эти разговоры мимо ушей. Настоящих «взрослых дел» он в глаза не видел, сути их не понимал, а потому и особого интереса к трепотне приятелей не питал.

Вот только эти чужие слова, казалось, успели пустить в его душе крошечный, едва заметный корешок. Стоило ему вернуться домой и увидеть Чанся, как он, повинувшись какому-то нелепому наваждению, против воли уставился на губы названного брата.

С того самого дня — и убей бог, он сам не понимал, с какой стати, — его взгляд то и дело срывался и замирал на фигуре Чанся.

Но ведь Чанся был старше его на целых три года!

Да и если сравнить его с теми немногими деревенскими девчонками и шуанъэрами, которых все в округе считали миловидными или даже писаными красавицами, Чанся выглядел на редкость заурядно.

И эта мысль рождала в глубине души Пэй Яо глухое, упрямое недовольство.

Он с самого детства обладал на редкость привередливым вкусом: обожал всё самое яркое, броское и красивое — и к людям это относилось в первую очередь.

Повзрослев, он, конечно, поумерил свой пыл и больше не бегал за каждой смазливой девчонкой или статным шуанъэрам.

Но при этом он и за собой следил строго, держал себя в безупречной чистоте; даже в самые бурные годы своего мальчишества он редко когда возвращался домой, извалявшись в придорожной пыли.

Если кто-то из его сверстников ходил с вечно размазанными по лицу соплями, погрязнув в грязи и неделями не меняя рубах, Пэй Яо на такого человека даже смотреть брезговал.

Впрочем, справедливости ради, ни один человек, не покривив душой, не смог бы назвать Чанся уродом.

Черты лица у Чанся были правильными, само личико аккуратное, худощавое, а глаза и брови отличались утонченной, неброской миловидностью. И нос, и губы были вылеплены словно по мерке — ничего лишнего, ничего кричащего. Из тех самых лиц, которые с первого взгляда кажутся неприметными, но чем дольше всматриваешься, тем приятнее они глазу.

Вот только Чанся был слишком нелюдим: вечно ходил, понутив голову, говорить толком не умел, робел перед каждым шорохом, отчего и вся его внешность казалась подернутой дымкой вечной, беспросветной тоски.

К тому же бок о бок с ним в доме Пэй рос Пэй Яо — статный, видный, писанный красавец. Когда два ребенка воспитываются под одной крышей, людских сравнений избежать невозможно.

И в этом негласном соперничестве даже та природная миловидность, что была отпущена Чанся на добрые шесть баллов из десяти, в один миг бледнела, меркла и становилась совершенно незаметной, теряясь на фоне сияния брата.

В обычное время Пэй Яо не обращал на Чанся особого внимания. Сказать, что они были близки — да, близки, как-никак с малых лет за одним столом сидели. Но сказать, что чужие — тоже правда.

В их общении не было ничего, кроме сухого обсуждения насущных домашних дел; они никогда не играли вместе, и уж подавно между ними не водилось веселого ребячьего смеха или дружеских потасовок.

Но с недавних пор Пэй Яо поймал себя на мысли, что губы у Чанся, оказывается, на редкость ладные и красивые.

И не успел он как следует переварить это неожиданное открытие, как сегодняшний день принес ему еще более ошеломляющее и пугающее потрясение.

Был в их деревне один парень по имени Ван Сяочжоу — шалопай и бездельник, который вечно ошивался в городке в компании тамошних никчемных побирушек и проходимцев. Ни гроша за душой, ни ремесла в руках, зато рот не закрывался от грязных, похабных ругательств пониже пояса, да и промышлял он исключительно мелким воровством, отчего все приличные люди презирали его до глубины души.

Жители деревни Ваньэр Ван Сяочжоу не жаловали и при встрече воротили нос; и поскольку он был ровесником Пэй Чэна, то, наведываясь в деревню, водил шашни только с ним.

И ту самую книжицу, которую Пэй Чэн так воровато прятал у себя за пазухой, он вытребовал как раз у Ван Сяочжоу — тот расщедрился и дал приятелю «расширить кругозор».

Книжка была совсем тоненькой; добрую её часть занимали грубо набросанные картинки, а пояснений почти не было — лишь краткие подписи на полях, указывающие, что к чему.

Пэй Яо в свое время три года исправно отходил в сельскую школу, да и Ян Фэннянь два года просидел за букварем, так что эти скупые строчки они разобрали без малейшего труда.

Пэй Чэн грамоты не знал, но в картинках-то разобрался отменно.

Рисунков там было от силы страниц семь-восемь. Штрихи мастера отличались грубостью и торопливостью, однако суть запечатленных там сцен была ясна с первого взгляда.

Для пятнадцати-шестнадцатилетних парней, чья молодая кровь и без того бурлила, а сами они в жизни ничего слаще морковки не видели, хватило и двух страниц, чтобы лица их вспыхнули пунцовым румянцем, а дыхание сделалось тяжелым и прерывистым.

Ян Фэннянь испытал такое сильное потрясение, что даже разозлился: с красным от смущения

лицом и вздувшимися на шее жилами он принялся костерить Пэй Чэна на чем свет стоит.

У самого же Пэй Чэна в голове теперь намертво засели эти греховные картинки; выслушав выговор от приятеля, он кое-как пришел в себя, сконфуженно захлопнул книжку и поспешно спрятал её обратно — он и сам понимал, что вещь эта постыдная и запретная, но совладать с собственным любопытством был просто не в силах.

Что же касается Пэй Яо, то он — явление из ряда вон выходящее — просто впал в ступор.

На одной из картинок было запечатлено, как двое исступленно слились в поцелуе. И в этот самый миг перед его мысленным взором почему-то со всей отчетливостью возник образ Чанся.

<http://bllate.org/book/17875/1723358>